

Добрынская Н.Г
Крымский государственный
гуманитарный институт
г. Ялта

ОСТРОВ КРЫМ – МИФ, УТОПИЯ, АНТИУТОПИЯ.

Вопрос о проявлении русской, а равно и украинской, татарской и других культур на крымском ландшафте уже по постановке своей – комплексный. Это вопрос и перспектив национальной политики, и истории взаимоотношений народов. Крымское завтра – это всего лишь доведённое до логического завершения сегодня: уникальтурное (рафинированное и радикальное) или мультикультурное (гибкое и приспособляемое). И поскольку современное состояние русской культуры в Крыму - явление многоплановое, для его обзора необходимо принципиальное согласие, по крайней мере, в трёх моментах: оговаривая понятия культуры, национальной привязки и позицию наблюдения.

Во-первых, мы подходим, прежде всего, с позиции литературоведения, считая литературу хотя и фрагментарным, но глубоким и многоуровневым проявлением культурных отношений. Иными словами, мы можем определить область жанров и произведений, которые послужат материалом для анализа. Антиутопия – жанр, с одной стороны, насыщенный мифологическими и культурными архетипами, и с другой, - прогнозирующий социальные перемены в обществе на основе событий настоящего. Все произведения антиутопии безусловно ориентированы на принципиальную ассимиляцию посланий жанров, исторически влиявших и влияющих на ее появление и развитие. Мифологическая сюжетика и характерология; сказочные метаморфозы хронотопа, сбалансированные достоверностью легенд и преданий; притчевая дидактика и наглядность современной религиозной проповеди; плюс к этому научный подход социального прогнозирования и

смелые приемы научной фантастики – всему этому находится должное место и уделяется одинаковое внимание в синтетическом по своей природе жанре антиутопии. Этот синтез предполагает не только и не столько копирование тематических и сюжетных ходов, сколько их переосмысление в попытке доказательства "от обратного" утопических посылок. Одной из основных черт жанра является его генеалогическая глубина и разветвленность: в рамках антиутопии отображаются и развиваются как эсхатологические концепции мифа, так и религиозные апокалиптические традиции, однако антиутопия не только показывает конец утопического государства, но и предупреждает, что искать его причины следует в дне сегодняшнем.

Исследователи жанра единодушно полагают, что эмпирическое общество антиутопии доказывает бессмысленность, несостоятельность и негуманность моделирования подобных социальных конструкций в реальности. Э. Баталов считает антиутопию принципиальным отрицанием утопии¹, Б. Ланин говорит об "исконной жанровой направленности антиутопии против жанра утопии как такового"². Г. Морсон показывает антиутопию антижанром к утопии³. Спор антиутопии с утопией бесконечен, обе стороны лишены как побед, так и поражений в силу неизбежной взаимной зависимости жанров. Но в стремлении опровергнуть утопию антиутопия становится "утопией штрих", т.е. функцией исходного данного.

Что касается произведений - антиутопий о Крыме, то роман Василия Аксенова «Остров Крым» представляется идеальной возможностью для анализа. Идея Общей Судьбы России и Крыма, преподнесенная автором по сути как утопическая идеологема русского интеллигента-эмигранта, помогает ответить на вопрос, что означает «русская» литературная культура.

Русскоязычная или российская, а соответственно, предполагающая слияние национальностей и культур или отвергающая его? Какое именно общество описывает русская литература вообще и антиутопия в частности, говоря о Крыме – микскультурное или контркультурное? Говоря о произ-

ведениях о Крыме в русской литературной антиутопии, безусловно, нельзя игнорировать историческую реальность взаимоотношений России, СССР, постсоюзного пространства и Крыма, точно так же, как нельзя отмежевать русскоязычных писателей Крыма от литераторов России и постсоюзной действительности.

И, наконец, вопрос, требующий особого внимания, – что принимать за точку наблюдения? Позиция писательского наблюдения может быть внешней, отстранённой, вынесенной за пределы Крыма и потому дающей художественную интерпретацию событий в традициях литературного путешествия. Однако эта позиция может быть также и внутренней, когда автор через литературного героя вовлечён в местный культурный контекст.

Необходимо отметить, что позиции принципиального приобщения или вынесения литературного героя за пределы художественного пространства Крыма являются решающими в трактовке послания автора. Более того, они чётко обозначают оппозицию «центр - периферия» и место Крыма в этой оппозиции. Именно при таком подходе оппозиция результативно соотносится с рядом других (свое / чужое; человеческое / нечеловеческое), восходящих к главной мифологической оппозиции Космос / Хаос.

Жанр антиутопии как литературное явление и как одна из составляющих общего литературного процесса берет начало в архаическом мифе. Поскольку жанр антиутопии опирается на весьма архаичную символически-мифологическую модель мира, а вместе с тем дает максимум ее индивидуально-авторских интерпретаций, оппозиция «центр - периферия» эволюционирует в ди-центрическую систему, где ролевая функция каждого центра поляризуется.

Анализ символики жанра невозможно провести, изъяв русскую культуру из контекста всемирной истории. Безусловно, особого внимания заслуживают мифы и предания, запечатлевшие тот или иной культурноисторический архетип, т.к., по словам А. Ф. Лосева, «нельзя понять законченного

организма мысли и жизни, не заглянувши в те первичные интуиции, из которых он вырастает»⁴.

Итак, какое место занимал Крым в античной мифологической модели мира? Крым значительно отстоял от центра античной культуры – Эллады и географически и социально. Отношение к Крыму как к провинции было обусловлено также эллинистической концепцией геополитики. Отец истории Геродот дал первое систематическое описание жизни скифов, выступая как сторонний наблюдатель, этнограф, как эллин, представитель центра, наблюдающий жизнь варваров на периферии. Подобные представления отразились в литературных памятниках античности – путешествиях Одиссея, Ореста, Аргонавтов. Эти путешествия доносили до Эллады фантастические сведения о шестируких Лестригонах и других порождениях Хаоса, населяющих земли Крыма и Северного Причерноморья. Таким образом, в мифологической системе древних греков Крым являлся землей, пограничной с миром мертвых, регионом настораживающим, пограничным, хотя и поставляющим в Элладу пшеницу.

Отношение к Крыму как к периферии сложилось не только у древних греков, но и у славян, хотя восприятие периферии качественно изменилось. Для России, преемницы Константинополя, Крым – место особое. История русского православия немыслима без Крыма. Христианство в буквальном смысле пришло в Россию через Крым. Благую Весть в Крым принес Андрей Первозванный, которому по жребию выпало проповедовать в Скифии. Девять веков спустя князь Владимир приобщил Русь к духовному центру цивилизации, крестившись в Херсонесе. Крым, как видим, был для Руси неразвитым, но чрезвычайно ресурсным регионом для контактов.

Что привлекает любого русского мыслителя к берегам Тавриды? Типичный средиземноморский ландшафт и мягкий климат Южнобережья напоминают сразу Италию и Острова Блаженные, модные курорты и райский сад. Вместе с этим удаленность от центра и почти островное положение

делают Крым идеальной сценой, как для утопии, так и для антиутопии. В Крым ехали за романтикой Востока (Пушкин), за здоровьем (Надсон), за «собственной тихой бухточкой» (Чехов); ехали за праздностью, счастьем... Именно в погоне за утопическим счастьем интеллектуальные и технократические центры – Москва и Санкт-Петербург снова и снова контактировали с духовностью Крыма; периферия в результате оказалась мощным ресурсом центра.

По одной из версий старое славянское название Крыма – Сурож - означает «Страна Солнца». Безусловно, эта версия спорна и в сравнении с официально принятой историками интерпретацией названия Сурож как «сжатая рожь» она второстепенна, а то и третьестепенна. Однако это именно тот угол зрения, который позволяет взглянуть на проблему восприятия Крыма: не экономическую, а социокультурную, проявляющую архетипы космогонии.

Говорить о мифологической модели мира, вписывая в нее Крым, - значит четко представлять, какое место и какая роль отводились региону в различных культурах, соприкоснувшихся с ним. Как было отмечено выше, и для культуры античного запада, и для культуры Киевской Руси Крым был регионом пограничным. Но пограничность эта была настолько утилитарно привлекательна, что стала основой социальных мифов о Крыме как о райском месте. Мифологические концепции раскрываются при ближайшем рассмотрении через символы – «своеобразный «словарь» любой национальной культуры»⁵. Именно поэтому анализ текста через призму символики открывает нам «самое глубинное содержательное ядро любого литературного текста»⁶.

Для наиболее объемного литературоведческого анализа необходимо исследование нескольких стилистических уровней текста: тематического, сюжетного, хронотопного, характерологического и др. Соглашаясь с утверждением М.М. Бахтина о первостепенной значимости художествен-

ного времени и пространства⁷, оговорим ряд особенностей, характерных для времени и места антиутопии. Хронотоп антиутопических произведений подчиняется ряду жестких требований. Соблюдение этих требований формирует «классический вариант» антиутопии, однако синтетическая природа жанра включает некоторое развитие бахтинской системы равноважных пространства и времени.

Безусловно, взаимное функционирование места и времени и их взаимное проникновение аксиоматичны. Однако, коль скоро время утопии – «это времени остановившееся, застывшее»⁸, как считает большинство критиков, то логично предположить примат пространства над временем. Так как художественное пространство антиутопии предполагает тесную генеалогическую связь с другими жанрами, восходящими к архаическому мифу и волшебной сказке, то критериями определения пространства нами условно выбраны понятия:

- 1) центра, периферии, границы, как направляющие;
- 2) элементы ландшафта (природные, искусственные, живые), как характеризующие внешнюю форму художественного пространства;
- 3) элементы ландшафта или пейзажа, функционирующие как средство воздействия на его обитателей для определения качественной оценки содержания пространства;

Утопия, а вслед за ней и антиутопия развивают в различных направлениях одну и ту же мифологическую тему – оба жанра обращаются к мотиву Райского Города или Сада, принимая диаметрально различные позиции в его оценке.

Относительно урбанистической концепции рая -- оговаривается внешний вид небесного города и его социологическое устройство: 1) Райский город соотносится с понятием круглых и квадратных “святых” городов, распространенных в древности; 2) различные мифологические концепции подчеркивают светоносность материалов (золото, стекло), из которых вы-

строен райский город. Подчеркивая внешнее сходство с идеалом, антиутопия акцентирует содержательное противопоставление Райского города в антиутопии мифологическому Раю.

Для утопий Европы светносные святые города или социальное благополучие островного государства олицетворяли Рай или его воплощение на земле - Острова Блаженные. Развитие мотива о Райском Городе особое значение получило в эпоху Возрождения, когда поиск идеального общества и цивилизации привел к идеологии утопии. Линия Райского Города имеет за собой очень древние и широко распространенные представления о «круглых» и «квадратных» святых городах, отражающих своим правильным планом устройство Вселенной. Это отвечает основополагающему признаку Райского Города / Сада, который в европейской традиции более принято обозначать словом Парадиз, что, в свою очередь этимологически связано не только с греч. *παράδεισος* «сад, парк», но и с др. -иран. *pa'ri-daēza* «отовсюду огороженное место»⁹.

Вариацию на тему города антиутопии предлагает В. Аксенов. «Плавающий» Остров Крым в его романе – идеально, естественно огражденный полигон для проверки жизнеспособности утопии. Аксенов показывает Крым Базой Временной Эвакуации, на которой во время гражданской войны осели остатки белой гвардии, русской аристократии и английских матросов, поддержавших мятеж. За сорок лет ассимиляции с татарским населением появился новый национальный тип – яки. «Яки – это хорошо, это среднее между якши и «о'к», это формирующаяся сейчас нация Острова Крыма, составленная из потомков татар, итальянцев, болгар, греков, турок, русских войск и британского флота»¹⁰, - говорит герою его сын-космополит. В вопросе существования новой микснациональности поднимаются автором проблемы взаимозначимости культурных ценностей, креативной способности и морали новой микскультуры.

Молодые яки – олицетворение населения любой утопии: на уровне физиологии они «красавцы яки», им доступно лучшее образование в мире – Сорбонна и Оксфорд к их услугам; финансово, как и все жители утопического острова, они надежно защищены «Симфикард»ом. Подобно расовой, отсутствует и дискриминация пола – «о половых контактах они говорят, словно о танцах» и вообще, они «какие-то все нежные, чудные, с добрым нравом и хорошим юмором»¹¹. Корни такого добродетельного бесстыдства можем найти в утопизме Возрождения, т.к. категория пользы является основой утопического сообщества и касается всех сфер его проявлений, будь то интимные отношения или детали быта.

А быт государства «ОК», условия жизни на острове Аксенов подчиняет утопической символике. В начале романа центрально обозначенным местом является небоскреб газеты «Русский Курьер», он находится в самом центре Симферополя, нацеливаясь стеклянным конусом пентхауза в небо. Андрей Арсеньевич Лучников, владелец газеты и стеклянного пентхауза, главный герой романа, на первых страницах повествования лежит в своем стеклянном вигваме в йоговской позе абсолютного покоя.

Символика утопического центра в данном случае представлена и светоносными (стекло) материалами, из которых построен пентхауз, и вертикалью небоскреба, и фигурой Лучникова – божества отдыхающего.

Немаловажная черта эсхатологических мифов, получившая иную трактовку в антиутопии, — это характер грядущей катастрофы. В эсхатологии (апокалиптике) она имеет космический, экологический характер, в антиутопии события социологизируются, т.е. традиционный «макро» апокалипсис переносится в микромир человеческих отношений. В антиутопии Василия Аксенова демиург Лучников вылавливает райский остров ОК из блаженства благополучия и приносит его в жертву социалистической действительности – для утопического острова это катастрофа. Сам «плаваю-

щий» остров Крым в романе В. Аксенова является не только современным технократическим раем, но и эпицентром апокалиптической катастрофы.

Автор использует для маркировки хронотопа типичный для эсхатологии мотив пропадающего времени. Однако, в отличие от остановившегося времени утопии, время антиутопии пропадает здесь не остановившись, а разогнавшись. Именно этим приемом достигается эффект космического значения падения супердержавы: «вдруг что-то случилось с современным механизмом: стрелки, секундная, минутная и часовая, закрутились с невероятной скоростью, словно в бессмысленной гонке, а в рамке дней недели стало выскакивать одно за другим: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг...»¹².

Нацеленность жанра на социальное моделирование соблазнительна неограниченными возможностями индивидуальных интерпретаций. Однако, независимо от того, классическая перед нами антиутопия или пародирующая интерпретация, она лишена пафоса романтического героя-одиночки, спасающего цивилизацию. Антиутопический герой не может спасти себя от фатального тоталитаризма цивилизации. Таким образом, крах утопического острова - это не только симптоматика постсоветской действительности и художественный вымысел, но и возможность конструктивного подхода в прогнозировании и моделировании ближайших социальных перспектив.

Литература

1. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989. – С. 264.
2. Ланин Б. Анатомия литературной антиутопии. // Общественные науки и современность. – М., 1993. – № 5. – С. 157.
3. Морсон Г. Антиутопия как пародийный жанр. Утопия и утопическое мышление. - М., 1991. —С. 235.

4. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / Сост. А.А. Тахо-Годи и И.И. Махонькова. – М.: Мысль, 1993. – С. 8
5. Новикова М.А., Шама И.Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и их английский переводов): Учеб. пособие.- Запорожье: СП «Верже», 1996. – С.8.
6. Там же. – С.8.
7. Бахтин М. М. Проблема текста. Опыт философского анализа // Вопросы литературы, 1976. — №10. — С. 135.
8. Медведева Н.Г. Миф и Утопия (художественное пространство и время) / Проблемы типологии литературного процесса. – Пермь, 1989. – С. 68.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2х т. / гл. ред. С.А.Токарев. — М.: Российская энциклопедия, 1994 —Т.2. – С. 363.
10. Аксенов В. Остров Крым. – М.: Изограф, 1997. – С. 26.
11. Там же. - С. 207.
12. Там же. - С. 414.
13. Ланин Б. Типология жанра в русской антиутопии. // Российский литературоведческий журнал. – М., 1993. – № 1.
14. Любимова А.Ф. Время и пространство в антиутопии / Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX-XX вв. – Пермь, 1993.
15. Любимова А.Ф. Категория природы в антиутопии XX в / Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX-XX вв. – Пермь, 1995.
16. Немзер А. Странная вещь, непонятная вещь. // Новый Мир. - 1991. - № 11.
17. Утопический социализм: Хрестоматия / Общ. ред. А.И. Володина. – М.: Политиздат, 1982.